

ПРИСУТВИЕ

Приключения рыболова

Евгений ЛЕБЕДЕВ

Раннее утро. Передо мною тихое, тихое озеро. Смотрю я на зеркальную поверхность его и в воображении моем проплывают огромные сазаны, лещи, окуни, щуки... и столько этой рыбы, что ловить мне ее не переловить.

Красноперка, плотва и пескарь мне почему-то не видятся. Зачем мне такая мелюзга?

Берег какой! Ну, специально создан только для рыбной ловли: сидеть есть на чем, и куда забросить удилице, и куда его воткнуть. Ну, просто картина художника Перова "Рыболов". Взял я удочку. Размотал леску, насадил червяка. Смотрю — плещется рыба. Круги от нее так и пошли по воде. Вот бы забросить червяка с крючком прямо ей в рот. Плюнул я на червяка, не знаю зачем, но все так делают, плюнул и я, нацелился и точно попал прямо в цель. Именно туда, где только что шлепнулась рыба. Но, что за черт, на воде круги от рыбы разошлись, а поплавок как улегся, так и остался лежать, не шелохнется.

Э-э-э, подумал я, тут надо подождать. Тут надо потерпеть. Главное — глаз с поплавок не оторвать. Застыл я так над поплавкой, глазами в него впился. Смотрю и смотрю. И вдруг, чудится мне, как приплыла огромнейшая рыба, подошла к червяку моему, посмотрела, взглянула почему-то наверх, наверх, на меня, а потом отошла, подошла с другой стороны, остановилась, а мой червяк кончиком своего хвоста словно манит ее и говорит ей: иди, мол, иди сюда, иди ко мне!

Много ли прошло времени, мало ли, я не заметил. Очнулся оттого, что падаю, и если бы не проснулся, то был бы в воде. Когда и как заснул — не помню. Посмотрел я на воду, а поплавок, как лежал, так и лежит на том же самом месте как мертвый. Так ведь, черт возьми, и утонуть можно.

Вот ведь чертовщина какая со мной случилась. Это, наверно, все от того, что плохо спал — боялся проспать, рыбалку пропустить. А тут еще комар. Прицепился к правой щеке, и вот — э-э-э, э-э-э, — пищит над самым ухом. Дал я ему в себя вцепиться, а потом шлепнул по нему ладошкой — убил! Смотрю — второй появился. Перед самым моим носом кружит и кружит. Я ему подставил самый кончик, на, мол, садись, а сам глазами за ним слежу, за комаром-то, а сам чертыхаюсь про себя. Вслух-то нельзя: рыбу спугнуть можно.

Ну, думаю, погоди. Я тебя чертенка эдакого поймаю. Смотрю — сел. Пристроился на самый кончик моего носа. Ну, думаю, свой нос в мой нос воткнет, завязнет в нем, вот тут-то я его и раздавлю. Только это я подумал, а третий комар меня в шею ужалил. Вот тут-то я уже сорвался, выругался. И ведь, чертенок, так укусил, словно в отместку за всех убитых комаров. Всю злобу на моей шее сорвал. Смотрю, нет от комаров спасения — летят, сволочи.

Дай, думаю, закурю. От дыма комары разлетятся, спокойнее будет. Вынул из кармана железную коробку. В ней лежит заготовленная бумага и махорка-самосад. Положил себе на колени, и, не спуская глаз с поплавок, закручиваю сигарку.

Как вдруг, поплавок нырнул и вынырнул. То ли это мне почудилось, или в самом деле — рыба клюет. Схватить бы удилице да вытащить, а руки-то заняты, да и поплавок опять успокоился — лежит, не шевельнется. Только это я хочу языком заклеить сигарку, как опять поплавок — нырк в воду! Издевается, что ли, надо мной? Ну ладно, от меня так просто не уйдешь, посмотрим, кто кого перехитрит. Издеваться над собой не позволю. Быстро языком заклеил сигарку, зажал ее в зубах, коробку осторожно положил в карман, чтобы рыбу не спугнуть, и стал ждать, когда начнет клевать. Молчит, проклятая.

К архиву Евгения Лебедева по сути дела еще не прикасались. Сложили вместе папки с записями, маленькие тетрадки с карандашными заметками, множество исписанных листов. Что в них? Рассказы, размышления о жизни, о ролях? Скорее всего, если судить по тому, что было опубликовано в книжке "Испытание памятью", — и то, и другое, и третье.

Рассказ, который "ЭС" предлагает вниманию читателей, посчастливилось обнаружить в первой же папке, которую дала мне посмотреть жена Евгения Алексеевича, Натэла Александровна Товстоногова. Легко представить, как озорно, с каким блеском он звучал в исполнении автора.

Натэла ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Кто кого, значит?! Да?! Ничего, подождем. Мы пока закурим.

А тут как назло — спички пропали. Все обшарил. Наконец-то нашел. Чиркнул один раз — не загорается. Только шум производит, рыбу пугает, а огня не дает. Чиркнул еще раз — вспыхнула. Ну, я изогнулся, чтобы ветром спичку не загасило. Прикурил, глубоко вдохнул в себя дым, а сам все гляжу на поплавок, глаз с него не свою. Стою, изо рта дым выпускаю, комаров разгоняю, а чтобы дым не загоразивал поплавок, осторожно помахваю рукой. Разгоняю его в сторону. Ну, значит, стою себе, да дымком и попыхваю. Жду, когда клевать начнет.

А она не клюет, стерва. Тут что-то дрожь меня взяла, от сырости должно быть просквозило. Засунул руку я в карман, жглось весь, раза два промялся туда-сюда, чтобы теплее было. Как вдруг поплавок на воде зашевелился и в сторону поплыл, словно его кто-то тащит. Вырвал я изо рта сигарку, но не бросил ее, а положил на пенек. Думаю — потом докурю, уж после того, как вытащу! Схватил я удилице и чувствую, что стоит, проклятая, а может быть, проклятый! лещ или сазан!

Только бы мне не спугнуть, только бы не промахнуться. Я и дышать перестал. Жду своей очереди, чтобы подсечь и вытянуть. Если бы щука или окунь —

сразу бы схватила, поплавок бы не видно было, а тут поплавок не ныряет, а дрожит. Значит — он или она стоит и ждет: дерну я или нет, а я не дергаю. Пусть червяка поглубже заглотит, тогда уж и поташу. Ждал-ждал, когда нырнет поплавок, так и не дождался. Тут я осторожно воткнул в землю удилице и сел на пенек. Это все для хитрости. Может быть, рыба-то меня из воды видит, что я стою и удочку держу.

Смотрю на поплавок и посмеиваюсь. Чувствую, откуда-то паленым пахнет, вроде где-то шерсть горит. Посмотрел, принохался — ничего не видать! Потом меня стало что-то быстро подогрывать в том месте, на чем сижу. И вдруг, сразу обожгло. Вскочил я. Вижу, горят штаны! Тут-то я и догадался, что сел я на сигарку. Она же на пенке лежала. Хлопал я, хлопал ладошкой, а дыра все больше и больше разрастается. Чувствую, что и кальсоны загорелись. Но уж не так, чтобы вспыхнули... Нет. А вроде бы внутри, в штанах у меня тлеть начинает. Ну, кое как погасил я "пожар", пощупал — а дыра в палец, и прикрыть нечем: голое тело видно.

Тут я вспомнил, что у меня иголка с ниткой есть. Взял я иголку и думаю: снимать мне штаны, или на себе зашивать? Снимешь, а вдруг кто-нибудь заявит. Стыд-то какой. Смешно, да и неловко как-то. Не дай бог, женщина. Дай, думаю, на себе зашью. Посмотрел по сторонам — никого нет. Изловчился это я. Ну, стою и зашиваю. А глаз все-таки там, в реке. За поплавкой следит... Я же пришел рыбу ловить, а не починкой заниматься!

Уколовся я... Большой палей левой руки иглой проколол. Отсосал я кровь и опять шью и посматриваю. Ключула!!! Опять клевать начала, да так быстро стал поплавок нырять. Я как воткнул иглу в штаны, а вынуть не успел. Так и оставил ее торчащей. Нагибаюсь к удилице, а сзади-то пенек. Тут-то я и вспомнил про иглу, что она в меня воткнуться может. Я быстро еще один стежок сделал, кое-как закрепил, оборвал нитку, иглу на место воткнул, нагибаюсь, хочу взять удилице. Чувствую, что-то у меня сзади тянет. Видно, я что-то к чему-то пришел. Ладно, разбираться потом будем. Поплавок резко в сторону потащило.

Схватил я удилице и дернул. Но, не тут-то было, удочка из воды не выдерживалась. То ли рыба огромная попала, потому что удилице в три погубели согнулось, а из воды не вытаскивается. Может быть, сом, а может быть и другое. А вдруг — коряга?

Коряга! За корягу зацепился... Вот-вот леска оборвется, крючок в воде останется, а крючок-то заграничный. Придется раздеваться и лезть в воду!

Так оно и случилось: зацепился я за корягу. Делать нечего. Осмотрелся кругом — никого нет. Стал снимать рубашку, а она не снимается. Видно, конец ее пришел к брюкам. Так и есть. Оторвал я пришитое, снял рубашку, потом штаны, ботинки, уложил все на пенек.

Кальсоны снимать я не стал. Хотя в чем-то себя оставить нужно. Хотя чем-то прикрыт буду. Засучил я кальсоны и полез в воду. А вода холодная-прохладная, но я иду. Крючок жалко. Иду и сразу же опускаюсь, глубоко оказалась. Быстро поплыл, нырнул, отцепил крючок, вынырнул и скорее к берегу. Вылез из воды и сразу чихать начал — простудился!

Вытащил я удочку, протянул руки за одеждой, смотрю — а белья-то моего нет, ни ботинок, ни штанов, ни рубашки — ничего нет! Что на себе оставил, в том и остался, так и пошел: ни с чем и ни в чем.

Вы, наверное, думаете, что после этого я дома сижу и на рыбалку не хожу? Как бы не так!

● "Рыболов".
Василий Перов и "ЭС".

Лебедев Евгений Александрович
3-10.07.97